
ИСЛАМИЗМ, ВОЕННАЯ ХУНТА ИЛИ УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ? (К вопросу о возможных вариантах развития Республики Судан)

С.Ю. Серёгичев

Кафедра всеобщей истории
Историко-архивный институт
Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, Москва, ГСП-3, Россия, 125993

Заключение в 2005 г. Всеобъемлющего мирного соглашения, положившего конец многолетнему вооруженному противостоянию Юга и Севера, открыло для Судана новые горизонты развития, но вместе с тем и поставило перед нелегкой проблемой выбора дальнейшего пути развития. Данная статья посвящена анализу политической и социально-экономической эволюции Судана в 2005—2008 гг., опираясь на который автор делает попытку прорисовать приблизительные контуры развития Судана в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Всеобъемлющее мирное соглашение, Судан, многолетнее вооруженное противостояние Юга и Севера, контуры развития Судана в среднесрочной перспективе, выбор.

Говоря о сегодняшнем Судане, необходимо учитывать, что его история четко делится на два периода. Первый период — это 1989—2005 гг., второй — 2005—2008 гг. В данной статье мы постараемся изучить важнейшие явления внутренней жизни и внешней политики, произошедшие именно во второй период, так как, во-первых, первому периоду посвящена, в принципе, современная суданистика и арабистика (1), а вот научных публикаций, обобщающих все те общественно-политические и экономические изменения, которые претерпевают в настоящее время суданцы, пока еще нет и, во-вторых, события, произошедшие в 2005—2008 гг., сформировали принципиально иную ситуацию в Судане и вокруг него, без учета которой делать прогнозы относительно будущего развития Суданской Республики просто нереально.

Отсутствие обобщенного анализа политической и социально-экономической эволюции Судана в 2005—2008 гг. серьезно затрудняет рассмотрение проблемы выбора пути стратегического развития, которая встала перед Хартумом в середине 2000-х гг. Поэтому в данной статье предпринята попытка подытожить качественные изменения, произошедшие и происходящие в настоящее время в Судане, и на основе этого попытаться очертить те варианты его развития, реализацию которых нам предстоит с разной степенью вероятности ожидать в относительно ближайшее время.

Первый вопрос, который закономерно следует из принятого нами выше хронологического рубежа (разумеется, сильно условного): почему именно 2005 г., а не какой-либо другой является водоразделом современной суданской истории.

Ответ на него кроется в трех знаковых судьбоносных событиях, пришедшихся на 2005 г. и во многом определивших весь дальнейший ход политической и социально-экономической трансформации Судана.

Первое ключевое событие 2005 года — это подписание 9 января 2005 г. в Найроби на национальном стадионе «Ньюайю» Comprehensive Peace Agreement (Всеобъемлющего мирного соглашения, CPA) между правительством Судана и СНОД/СНОА. CPA положило конец двадцатидвухлетней II войне Юга и Севера (1983—2005 гг.).

Стержнем CPA явился компромисс в деле разделения властных полномочий между Севером и Югом Судана, превративший в скором времени страну в фактическую федерацию (номинально федеративное устройство в Судане действует еще с 1994 г. (2)), а также положение о южносуданском референдуме, который должен пройти в 2011 г. и решить вопрос о том, быть ли Южному Судану в составе нынешней Республики Судан или, наоборот, стать полноправным участником мирового сообщества в ранге суверенного государства.

В развитие достигнутого успеха суданское правительство 23 апреля 2005 г. образовало Комитет по написанию конституции переходного периода. В Комитет вошли 60 человек: представители СНОД/СНОА, Африканского Союза, ЛАГ, суданских «Братьев-мусульман» и Национального народного конгресса ат-Тураби (3). Несмотря на все сложности, члены Конституционного комитета справились с поставленными перед ними задачами достаточно быстро и успешно. Уже к июлю 2005 г. проект Временной конституции Республики Судан был готов.

Наконец, 9 июля 2005 г. состоялось подписание суданским президентом аль-Баширом текста новой временной конституции и инаугурация Джона Гаранга де Мабиора, военного и политического вождя южносуданцев, на должность первого вице-президента страны. Это стало вторым эпохальным событием в истории Судана после подписания CPA. Впервые за всю более чем полувековую историю независимого Судана неараб и даже немусульманин занял второй по значению государственный пост.

В соответствии с утвержденным текстом новой временной конституции Республика Судан объявлялась «суверенным, демократическим, децентрализованным, поликультурным, полирасовым, полиэтническим, поликонфессиональным и многоязыковым государством» (гл. 1, ст. 1). Признавалось, что «суверенитет нации доверен людям и осуществляется в соответствии с положениями этой Конституции и законом, без ущерба для автономии Южного Судана и штатов» (4).

Фундаментальными основами очередной (пятой по счету (5)) суданской конституции 2005 г. стали следующие принципы:

1. «Единство Судана должно основываться на свободной воле его людей, правлении закона, демократической власти, ответственности, равенстве, уважении и справедливости для всех граждан»;

2. «Религия, верования, обычаи и традиции являются источником моральной силы и вдохновения для суданцев»;

3. «Культурное и социальное разнообразие суданцев — основа национального единства и не может использоваться для разъединения»;

4. «Власть и силы правительства исходят из суверенной воли людей, осуществляемой ими на свободных, прямых и периодических выборах, проводимых

через всеобщее избирательное право тайного голосования для совершеннолетних» (гл. 1, ст. 4) (6).

Источниками национального законодательства на всей территории Судана, за исключением Юга, оставались шариат и референдум. На Юге же к таким источникам были отнесены референдум, ценности, обычаи, традиции и религиозные верования южносуданцев (гл. 1, ст. 5) (7).

Как и следовало ожидать, в свете подписания СРА наибольшие изменения по сравнению с предыдущей конституцией 1998 г. коснулись четвертой главы первой части («Децентрализованная система управления») и главы второй части третьей («Институт президентства»).

Согласно ст. 24 гл. 4 ч. 1 (8) Судан провозглашался децентрализованным государством, имеющим четыре уровня управления: национальное правительство, правительство Южного Судана, правительства штатов, местные правительства.

Статья 63 (1 пункт) гл. 2 ч. 3 вводила должность первого вице-президента. Первый вице-президент может исполнять обязанности президента в случае отсутствия последнего, обязан участвовать в работе правительства, Национального совета безопасности, Президентского совета, членом которых он является (9).

Гл. 3 ч. 3 «Временные положения для института президентства» особо оговаривала тот момент, что в настоящий момент должность первого вице-президента должен занимать председатель СНОД или его преемник. Также первый вице-президент является и президентом правительства Южного Судана, оставаясь при этом главнокомандующим СНОА (10).

В гл. 5 ч. 3 («Правительство национального единства») и гл. 2 ч. 4 («Временные положения для Национального законодательного собрания») были зафиксированы квоты для различных политических сил Судана:

1) НКС должен быть представлен в органах исполнительной и законодательной власти 52% от общего числа членов указанных структур (49% — северяне, 3% — южане);

2) СНОД — 28% (21% — южане, 7% — северяне);

3) остальные политические силы Севера — 14%;

4) остальные политические силы Юга — 6% (11).

В то же время необходимо отметить, что вышеуказанная система квот на места в правительстве и парламенте противоречит ряду других статей временной конституции (ст. 4, 41) (12).

Третьим значимым событием 2005 г. стала трагическая гибель 30 июля триумфатора СРА Джона Гаранга. При этом крайне важно учесть, что к моменту этой трагедии переговоры между Хартумом и Джубой (столица Южного Судана) по наиболее болезненным вопросам реализации СРА (борьба за контроль над главным богатством страны — месторождениями сырой нефти и газа, пригодных для промышленной разработки (13), распределение министерских постов в правительстве национального единства) зашли в тупик.

В сложившейся обстановке новость о гибели Джона Гаранга рано утром 30 июля при столкновении вертолета с горой (территория Южного Судана) привела к эффекту разорвавшейся бомбы.

Многие его сторонники, и до этого момента критически относившиеся к северянам и считавшие, что аль-Башир и его окружение по-прежнему пытаются не допустить Юг к равноправному участию в политической, экономической, общественной жизни Судана, теперь вовсю обрушились на арабо-мусульманское население страны.

В понедельник 1 августа 2005 г., когда были получены первые подтверждения гибели Гаранга (до этого были сообщения о том, что его вертолет благополучно приземлился), тысячи южносуданцев пошли огромной демонстрацией по улицам Хартума. Важно отметить, что в Хартуме $\frac{1}{3}$ населения составляют выходцы с Юга или же их потомки (14).

Эта демонстрация очень быстро переросла в самые крупные за всю историю суданской столицы уличные беспорядки. Несмотря на все усилия хартумских полицейских, порядок удалось восстановить лишь к среде 3 августа, когда в город вошли истинные хозяева Северного и Центрального Судана — армейские подразделения. Только заполнив весь город хорошо вооруженными солдатами, официальные власти взяли ситуацию под контроль.

Одновременно с кровавыми беспорядками в Хартуме (111 погибших) волна уличных боев прокатилась и по «некоронованной» столице Юга — городу Джубе, а также и по другому крупному городу южного региона — Малакалю, где погибло, по меньшей мере, 19 человек. Во всех случаях, и в Хартуме, и в Джубе с Малакалем, большинство погибших в ходе уличных батальи составили арабы и мусульмане, держатели мелких лавочек и мастерских. Общее число погибших составило 130 человек, ранения различной степени тяжести получили 402 человека.

В ходе расследования обстоятельств страшной трагедии «черного понедельника» полицией и силами безопасности по причастности к беспорядкам было задержано 3747 человек (15). Такой размах уличных столкновений и огромное количество их жертв стали возможными в силу поголовной вооруженности обеих сторон — северян и южан, располагавших немалым количеством единиц стрелкового оружия, включая и автоматические штурмовые винтовки.

Эти масштабные и кровопролитные столкновения между южанами и северянами поставили Судан на грань возобновления гражданской войны между Севером и Югом. В суданской прессе все чаще стали проводиться параллели между падением вертолета Гаранга и катастрофой авиалайнера руандийского президента Джувенала Хабиариманы в 1994 г., когда из-за его гибели в Руанде вспыхнула братоубийственная война, которая унесла жизни более чем 500 тыс. человек.

Гибель Гаранга привела не только к уличным боям в крупных суданских городах. Гораздо опаснее было ее другое последствие — вакуум власти на Юге, где мир от войны отделял всего лишь один шаг. Поэтому образовавшийся вакуум в политическом руководстве южного региона нужно было ликвидировать как можно скорее, пока страна не скатилась к новой междоусобной войне.

К этому же правящие элиты Севера и Юга подталкивал и вооруженный конфликт в Дарфуре, который унес за два с половиной года (он начался в феврале 2003 г.) жизни 300 тыс. человек (16). Урегулирование многолетней проблемы Юга мирными средствами давало шанс добиться такого же исхода и для Дарфура.

Кроме того, Гаранг за то короткое время, что он пробыл на вершине суданской власти, успел выдвинуть мирные инициативы по разрешению острого кризиса на западе страны и предпринять некоторые практические шаги в этом направлении. В частности, он как лидер СНОД/СНОА пытался склонить дарфурских повстанцев к участию в переговорах с официальным Хартумом. Так что смерть Гаранга могла уничтожить весь тот «позитив», который был накоплен к этому времени в деле прекращения резни в Дарфуре.

Допустить такого сценария развития событий не желала не одна из заинтересованных в этом сторон — СНОД и лагерь аль-Башира. Еще шли бои на улицах Хартума, Джубы и Малакаля, когда политическая элита Судана, и, прежде всего, ее «южная» часть, стали лихорадочно подыскивать срочную замену погибшему Гарангу. Seriously рассматривались лишь четыре кандидатуры: Сальва Киир, Ниахл Денг Ниахл, Рек Мачар и Джеймс Вани Игга.

Первый претендент на занятие поста первого вице-президента, президента Юга, главы СНОД/СНОА, Сальва Киир Майардит — «человек № 2» в табели о рангах СНОД. Он занимал к этому времени пост начальника генерального штаба СНОА. По национальности он, как и Гаранг, динка. Его характеризуют как высокопрофессионального военного, но малоспособного политика.

Зато его конкурент Ниахл Денг Ниахл, напротив, занимая не очень большой пост в иерархии СНОД/СНОА, по мнению политических обозревателей, отлично подготовлен к работе на должности первого вице-президента. Дело в том, что за плечами Ниахла успешный многолетний опыт работы на посту министра иностранных дел автономного правительства Южного Судана. Еще одним сильным местом в его биографии является тот факт, что его отец Вильям Денг (убит в 1968 г. боевиками «Анья-Нья») был одним из наиболее популярных политиков-южан.

Самой неоднозначной фигурой из всех четырех будущих «Гарангов», бесспорно, являлся Рек Мачар. Человек, который до начала 90-х гг. прошлого века числился среди самых преданных Гарангу полевых командиров, занимал пост вице-председателя СНОД, неожиданно в 1991 г. попытался смести Гаранга с места руководителя СНОД/СНОА. Не преуспев в этом начинании, Мачар перешел в глухую оппозицию к своему недавнему другу и боевому товарищу Гарангу.

В 1997 г. конфликт между Мачаром и Гарангом достиг своей кульминации: так и не добившись смещения Гаранга с занимаемой должности, Мачар, «обидевшись», переходит с частью своих сторонников на сторону тогда еще заклятого врага южан Омара аль-Башира. Мачару также удалось отколоть от СНОА ряд вооруженных группировок.

Суданский президент щедро отблагодарил «южного» отступника, предоставив ему пост своего помощника и пообещав делиться с ним нефтедолларами и оружием для борьбы с Суданской народно-освободительной армией.

Однако союз амбициозного Мачара и весьма прагматичного аль-Башира не обещал быть долгим, слишком разные у них обоих были интересы. Действительно, в начале 2000-х гг. Мачар совершил «сальто назад» в стан своих старых боевых «друзей» из СНОД/СНОА.

Последние, правда, по-прежнему не доверяют Мачару, считая его предателем великого дела Юга, выражающегося в освобождении Южного Судана от насильственной экспансии со стороны арабского и мусульманского Севера, пытавшегося в принудительном порядке арабизировать и исламизировать южан в течение второй половины XX в.

Одним словом, кандидатура Река Мачара на пост Гаранга выглядела в свете некоторых фактов из его биографии весьма и весьма неоднозначно.

Последний в ряду кандидатов на место первого вице-президента Судана — Джеймс Вани Игга, генеральный секретарь СНОД. Он родом из провинции Экваториальная, был доверенным лицом Гаранга, считался одним из лучших идеологов южносуданского освободительного движения. Однако Игга могло подвести то немаловажное обстоятельство, что по национальности он не динка, так как динка доминируют в СНОД.

Определяющим моментом при выборе нового лидера СНОД/СНОА, автоматически становившегося вторым лицом в стране, являлась степень его управляемости со стороны высокопоставленных членов движения. С этой точки зрения кандидатура Денга Ниахла сильно проигрывала кандидатуре Сальва Киира. И Ниахл, и Киир являлись, по сути, реальными претендентами на роль лидера южан из всей рассмотренной выше «четверки».

Однако достоинство Ниахла как профессионального политика в данном случае превращалось в его существенный недостаток. Среди «старой гвардии» СНОД/СНОА мало кто сомневался в том, что Ниахл, сменив Гаранга на его постах, стал бы активно прислушиваться к советам ветеранов движения. К тому же Ниахл делал свою карьеру по гражданской линии, а не по военной, как его главный конкурент Сальва Киир, и потому некоторые влиятельные южносуданские полевые командиры вполне могли считать его недостойным продолжать дело полковника Гаранга.

В случае с Сальва Кииром все происходит по обратному сценарию. Отсутствие у него значительного опыта публичной политической деятельности превращается из недостатка в его главное достоинство, ибо при таком раскладе Киир будет просто вынужден исполнять те рекомендации, какие ему будут давать его политические консультанты из числа ветеранов СНОД/СНОА.

Именно указанные выше соображения по поводу предпочтительности кандидатуры Сальвы Киира и сыграли решающую роль в его скорейшем утверждении на посту руководителя СНОД/СНОА.

Движение 1 августа 2005 г. объявило Киира официальным преемником Гаранга на посту лидера СНОД/СНОА. Со своей стороны, президент аль-Башир так же быстро, 4 августа, издал декрет о назначении преемника Гаранга на посту главы СНОД/СНОА Сальва Киира на должность первого вице-президента Республики Судан и руководителя южносуданской автономной администрации. Через неделю, 11 августа 2005 г., новоиспеченный первый вице-президент страны был официально приведен к присяге.

С этого момента острота общественно-политического кризиса в Судане, вызванного гибелью Джона Гаранга, стала постепенно спадать. Этому способство-

вали достаточно грамотные действия двух первых лиц страны — Омара аль-Башира и Сальвы Киира — по преодолению негативных последствий кризиса.

Одной из главных заслуг суданского президента являлось блестящее разрешение сложнейшей ситуации с расследованием обстоятельств гибели Джона Гаранга. Сложности в этом расследовании возникли по вине главы Уганды и личного друга семьи Гарангов Йовере Мусевени.

Угандийский лидер усомнился в официальной версии падения вертолета с Гарангом по причине плохой видимости, из-за которой Ми-172 и врезался в гору Зурия вблизи южносуданской деревни Нью Сайт. Мусевени призвал следователей внимательно изучить результаты воздействия «внешнего фактора», прозрачно намекая на то, что на Гаранга и его спутников могло быть совершено покушение (17).

Заявление Мусевени лишь подлило масло в огонь, так как на Юге большинство населения и так уверено в том, что Гаранг не погиб в авиакатастрофе, его убили. В ответ суданский «коллега» Мусевени аль-Башир предложил максимум усилий для привлечения широкого круга специалистов по авариям на воздушном транспорте к расследованию этого рокового вертолетокрушения. В частности, в Судан через Кению прибыли пять специалистов из Национальной службы безопасности перевозок США, для расшифровки «черного ящика» с разбившегося вертолета были привлечены российские специалисты.

Усилия суданских властей увенчались успехом. Опубликованные 10 сентября 2005 г. предварительные результаты комплексной баллистической экспертизы, проведенной совместной командой экспертов из США, Уганды, Кении, России и Судана, полностью исключили версию о террористическом акте, направленном против Гаранга.

Как заявил в интервью репортерам один из участников расследования: «Отчет [экспертов — *авт.*] исключает какой-либо возможный террористический акт... нет оснований полагать, что это было вызвано ракетной атакой, или огнестрельной атакой с земли, или какого-либо типа взрывчатки, потому что это был удар о гору» (18).

Подобные итоги расследования причин и обстоятельств гибели Джона Гаранга и лиц, его сопровождавших, проведенного авторитетной международной группой специалистов по авиакатастрофам, безусловно, оказал успокаивающее воздействие на суданскую общественность.

Как уже указывалось выше, эти три события (подписание СРА, принятие временной конституции и инаугурация Джона Гаранга на пост первого вице-президента Судана, а также его гибель в результате авиакатастрофы) не только стали границей двух эпох в современной истории Судана, но и оказали колоссальное влияние на политику, экономику и общество страны в 2006—2008 гг.

В это время на повестке дня стояли два вопроса: конфликт в Дарфуре и реализация СРА, причем первый своей масштабностью явно затенял второй, таящий куда большую опасность для правящей суданской верхушки, нежели драматические события на западе Судана.

Нынешний виток вооруженного противостояния в Дарфуре берет свое начало с февраля 2003 г. (19), когда бойцы «Суданской освободительной армии» (СОА) и «Движения за справедливость и равноправие» (ДСР) напали на суданских полицейских и их участки (сотни офицеров полиции были убиты, разрушено 8 полицейских постов (20)). Эти нападения явились ответом африканских племен фура и загава на безнаказанную деятельность отрядов арабских кочевников, вырезающих своих противников целыми деревнями. Следующей громкой акцией восставших африканцев стала атака 25 апреля 2003 г. на аэропорт в Эль-Фашере, где базировались суданские правительственные силы. В ходе боя от рук повстанцев погибло около 70 солдат (21).

За три года конфликт (2003—2006 гг.), начавшийся с борьбы двух основных сил: африканской части населения Дарфура, представленной СОА и ДСР, с одной стороны, и Хартумом (его интересы представляет отряды племенного ополчения «Джанджауид» (22)), превратился в поле боя «всех против всех», где множатся различные повстанческие альянсы и также скоротечно потом распадаются.

Отчасти этот момент и послужил одной из причин провала Соглашения о мире в Дарфуре — Darfur Peace Agreement (DPA). Оно было подписано 5 мая 2006 г. в Абудже (Нигерия) между правительством Судана и одним из крыльев Суданского освободительного движения/Суданской освободительной армии (СОД/СОА).

Его основные положения можно свести к следующим пунктам:

- проправительственное ополчение «Джанджауид» распускается; бывшие боевики СОА и ДСР входят в состав правительственной армии;
- Дарфур получает разовый трансферт в 300 млн долларов, затем на постоянной основе 200 млн долларов в год;
- компенсации всем тем, кого силой заставили покинуть свои дома;
- создание в Дарфуре своей переходной региональной администрации (Transitional Darfur Regional Authority — TDRA) на период подготовки референдума, который должен пройти в июле 2010 г. и решить вопрос о том, будет ли Дарфур снова единым административно-территориальным образованием или нет;
- лидеры дарфурских повстанцев, подписавшие DPA, получают возможность занять посты старшего помощника президента Судана, председателя TDRA;
- официальный Хартум также обязуется предоставить дарфурским повстанцам — участникам DPA в 2007—2010 гг. 12 депутатских мандатов Национальной Ассамблеи Судана, 21 место в парламенте каждого дарфурского штата, одну губернаторскую должность, две должности помощника губернатора (все в Дарфуре), важные позиции в министерствах дарфурских штатов, ключевые посты в правительствах местного уровня (23).

Как принято считать, важнейшей причиной провала абуджийского соглашения стали возросшие аппетиты повстанческих лидеров, а также отдельных полевых командиров. В частности, их не удовлетворили абстрактные формулы (24) дележа углеводородных ресурсов региона (есть сведения о том, что китайские

геологоразведчики нашли нефть в Южном Дарфуре, однако часть экспертов сомневаются в их истинности (25)), из которых совершенно не ясно, как же в итоге будут распределяться между Дарфуром и Хартумом доходы от нефти.

По некоторым сведениям, дарфурские повстанцы претендуют на отчисление им 13% от суммы всех нефтяных доходов страны (цифра не случайна, по переписи 1993 г. дарфурцы составляют как раз 13% от всего населения Судана) (26).

С целью остановить кровавый хаос на западе Судана Совбез ООН 31 августа 2006 г. принял резолюцию 1706 о «переходе [в Дарфуре — *авт.*] к миротворческой операции Организации Объединенных Наций». Однако из крайне неудачной формулировки, закравшейся в текст резолюции: «постановляет — без ущерба для ее нынешнего мандата и операций, предусмотренных в резолюции 1590 (2005), и в целях оказания поддержки скорейшему и эффективному осуществлению Мирного соглашения по Дарфуру, — что мандат МООНВС будет расширен в соответствии с пунктами 8, 9 и 12 ниже и что она будет развернута в Дарфуре, *и в этой связи предлагает Правительству национального единства дать согласие на это развертывание* и настоятельно призывает государства-члены предоставить силы и средства для оперативного развертывания» (27), эта резолюция встретила яростное сопротивление со стороны официального Хартума и так осталась нереализованной.

Взамен нее 11 месяцев спустя (31 июля 2007 г.) принята резолюция 1769, в соответствии с которой предлагается «разрешить и санкционировать создание на первоначальный период в 12 месяцев смешанной операции Африканского союза/Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД)» (28).

В настоящий момент контингент ЮНАМИД составляет «10 527 человек, включая 8579 человек в составе воинского контингента (8142 военнослужащих, 285 офицеров штаба, 113 военных наблюдателей и 29 офицеров связи и взаимодействия) и 1948 сотрудников полиции (1808 сотрудников, набранных на индивидуальной основе, и одно сформированное полицейское подразделение численностью 140 человек)» (29).

Однако «изначально предусмотренный целевой показатель развертывания на уровне 80 процентов, скорее всего, может быть достигнут лишь к концу марта 2009 года» (30). Виной тому как чисто транспортные проблемы (маршрут доставки между Порт-Суданом и Дарфуром равен 1400 миль, удручающее качество дорог), так и сложности с обеспечением безопасности прохождения колонн с грузами ЮНАМИД.

С целью подтолкнуть суданское руководство к более активным действиям в деле урегулирования дарфурского конфликта международное сообщество прибегло к юридическому рычагу давления: 14 июля 2008 г. прокурор Международного уголовного суда (МУС) Луис Морено-Окампа обвинил президента Судана Омара аль-Башира в намеренном геноциде жителей Дарфура (31).

Аль-Башир, по мнению следствия, повинен в совершении десяти преступлений, совершенных в период с марта 2003 по июль 2008 г. с использованием государственного аппарата, вооруженных сил и арабского племенного ополчения (Джанджавид).

Во-первых, президент Судана обвиняется в геноциде путем убийств членов этнических групп Фур, Массалит и Загава.

Во-вторых, аль-Башир подозревается в том, что проводил против указанных этнических групп геноцид путем причинения тяжкого физического и психического ущерба их членам.

В-третьих, аль-Башир обвиняется в геноциде Фур, Массалит и Загава путем умышленного ухудшения условий проживания с целью причинения физического ущерба.

В-четвертых, глава Судана подозревается в совершении преступлений против человечности, выразившимся в убийстве неопределенного числа гражданских лиц в Кодуме, Биндиси, Мукджаре, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Бураме, Мухаджерийи, Сираф Джидаде, Силеи, Сирбе, Джебель Муне и Шугаге Каро (районы Дарфура).

В-пятых, аль-Башира обвиняют в совершении преступлений против человечности, выразившимся в намеренном ухудшении условий проживания населения Дарфура с целью причинения физического ущерба, в том числе и путем массовых убийств неопределенного числа гражданских лиц в Мукджаре и Кайлеке.

В-шестых, суданского лидера подозревают в совершении преступлений против человечности, выразившимся в насильственном перемещении свыше миллиона гражданских лиц из районов Кодума, Биндиси, Мукджара, Аравала, Шатайе, Кайлека, Бурама, Мухаджерийи, Сирафа Джидаде, Силея, Сирбе, Джебель Муна, Абу Сурджи и Шугага Каро.

В-седьмых, аль-Башира обвиняют в совершении преступлений против человечности, выразившихся в пытках гражданских лиц в Мукджаре, Кайлеке и Джебель Муне.

В-восьмых, президента Судана подозревают в совершении преступлений против человечности, выразившихся в изнасилованиях женщин и девочек, включая неопределенное число случаев в отношении женщин и девочек в Биндиси, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Силеи, Сирбе и лагерях для перемещенных лиц.

В-девятых, аль-Башира обвиняют в совершении военных преступлений, выразившихся в преднамеренных целенаправленных атаках против гражданского населения, включая неопределенное число случаев в отношении жителей в Кодуме, Биндиси, Мукджаре, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Бураме, Мухаджерийи, Сираф Джидаде, Силеи, Сирбе, Абу Сурджи, Джебель Муне и Шугаге Каро.

В-десятых, аль-Башира подозревают в совершении военных преступлений, выразившихся в разграблении городов и деревень в районах Кодуме, Биндиси, Мукджаре, Аравале, Шатайи, Кайлеке, Бураме, Мухаджерийи, Сираф Джидаде, Силеи, Сирбе, Абу Сурджи, Джебель Муне и Шугаге Каро (32).

В обвинительном заключении приведено подробное обоснование того, почему именно аль-Башир должен нести ответственность за эти страшные преступления. Оно изложено в главе 6, параграфе 4 данного документа и сводится к следующим положениям:

— обвинение исходит из «понятия контроля за совершением преступления, характеризуемого разницей между главным виновниками и соучастниками преступного деяния, которое совершено множеством лиц»;

— аль-Башир в силу своего должностного положения имеет возможность контролировать работу всех суданских государственных структур, включая силовые;

— лидер Судана с целью осуществления своего плана по «умиротворению» западносуданского региона лично отдавал распоряжения по проведению военных операций в Дарфуре, а также тщательно контролировал их ход, требуя от исполнителей подробных отчетов о результатах данных операций (33).

Уже упомянутый выше дарфурский план аль-Башира включает, по мнению международных обвинителей, полный комплекс мер по «стабилизации» обстановки в мятежном регионе:

— комитетам безопасности (местным и на уровне провинций) вменялось в обязанность оказывать всяческую помощь другим суданским силовым структурам, действующим в регионе, в частности координировать их совместные действия;

— разведке (военной и национальной службе безопасности) поручался сбор разведанных и иная поддержка вооруженным силам страны и племенному ополчению «Джанджавид», облегчая им захват территории подлежащих уничтожению групп населения (Фур, Массалит и Загава);

— на суданском МВД лежала ответственность за мобилизацию племенного ополчения «Джанджавид», гарантируя при этом невмешательство полиции в деятельность «Джанджавид»;

— министерству обороны вменялось в обязанность своими силами (регулярными армейскими подразделениями и «Джанджавидом») проводить атаки против Фур, Массалит и Загава;

— министерству по гуманитарным делам поручалось всячески мешать оказанию гуманитарной помощи нуждающимся в ней жителям Дарфура;

— министерству по информации и коммуникациям и МИДу поручалось ведение кампании по оправданию роли и действий официального Хартума в Дарфуре;

— на минфине лежало финансирование операций племенного ополчения «Джанджавид», причем из фондов, предназначенных для оказания помощи дарфурцам;

— в функции минюста входила организация и руководство фальшивыми расследованиями, обвиняющими жертв и оправдывающими истинных преступников (34).

Другой ключевой проблемой Судана остается реализация СРА, которая в настоящем трансформировалась в «проблему Абьей». Суть этой проблемы в том, что эта суданская провинция богата нефтяными ресурсами и при этом находится на стыке Южного и Северного Судана. Официальный Хартум так и не признал выводы, сделанные Abyei Boundaries Commission (ABC), так как в соответствии с ними провинция Абьей является частью Южного Судана.

В результате спор о будущей принадлежности (после 2011 г., когда должен пройти референдум о самоопределении Южного Судана) территории Абьей зашел в тупик. Нежелание обеих сторон идти на взаимные уступки привело к эскалации насилия. 13 мая 2008 г. в городе Абьей начались столкновения военнору-

жащих суданской армии и их союзников из арабского племенного ополчения с бойцами суданской народно-освободительной армии (СНОА), грозившие перерасти в полномасштабный военный конфликт между Джубой и Хартумом.

Тем не менее, такого драматического поворота событий удалось избежать путем подписания Омаром аль-Баширом, Сальвой Кииром Майардитом и Али Османом Тахой (вице-президент Судана, давний сподвижник аль-Башира) 9 июня 2008 г. «Дорожной карты по Абьейю».

Однако, за исключением передачи спора по Абьейю на рассмотрение в международный арбитраж, выбранный обеими сторонами конфликта по взаимному согласию, ничего революционного данный документ не содержит. Его задача — сохранить статус-кво в этом проблемном регионе до тех пор, пока в третейском суде не будет по существу разрешен спор Джубы и Хартума по Абьейю. Арбитражу на это отводится 6 месяцев с момента подачи туда заявлений сторон (35).

На это время в регионе устанавливается режим совместного (НКС/СНОД) управления, предусмотрено создание Фонда по развитию приграничных территорий по линии Север—Юг, куда Хартум будет отчислять 50% от своей нефтяной ренты в Абьейе, а Джуба — 25% (36).

О стремлении не допустить необратимого ухудшения ситуации в стране говорит и заявление, сделанное лидером Юга и первым вице-президентом Судана Сальва Кииром на встрече с делегацией египетских журналистов: «Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы люди на себе ощутили плоды мира и единства» (37).

Учитывая огромную зависимость суданской политики от экономической ситуации в стране, необходимо оценить основные параметры ее экономики.

По данным Всемирного банка, реальный экономический рост Судана по итогам 2007 г. составил 10%, став самым высоким в Африке, показатели инфляции в течение последних лет колеблются в пределах 8% (38). Они были обеспечены выручкой от продажи нефти (по данным суданского министерства финансов и национальной экономики, доходы от продажи углеводородного сырья в январе текущего года составили 582 млн долл., из которых 223 млн долл. достались Южному Судану (39)).

Бюджет 2009 г. сверстан исходя из ожидаемого падения выручки от продажи нефти на 44%, то есть с 6,4 млрд долл. до 3,6 млрд долл. С целью восполнения столь значительных потерь в системе государственных доходов предусмотрено увеличение налоговой нагрузки (40).

В этих условиях официальные власти страны пытаются сбалансировать поступательное экономическое развитие, распространив его с нефтяного сектора на другие. Так в частности, суданское министерство сельского и лесного хозяйства планирует до конца текущего года истратить 1,5 млрд долл. в рамках реализации программы по развитию аграрного сектора.

Эта программа рассчитана на три года (2008—2011), и ее целью является «аграрная революция» запущенного десятилетиями суданского сельского хозяйства (по данным экспертов ООН, Судан использует сейчас не более 6,78% от общего количества пригодных к обработке земель). Общий объем предлагаемого финансирования «аграрной революции» оценивается в 5 млрд долларов.

При этом крайне важно помнить, что продукция суданского аграрного сектора составляет 45% от всего валового внутреннего продукта, а, кроме того, в сельскохозяйственной сфере занято до 80% всего трудоспособного населения страны (41).

Вместе с тем внешний долг Судана равен приблизительно 27 млрд долл., по сравнению с концом 2000 года он вырос на 9 млрд долл. Страны — кредиторы Судана всячески подчеркивают, что реструктуризация суданских долгов напрямую зависит от прогресса в деле реализации Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС) и мирного урегулирования дарфурского конфликта (42).

Подытоживая все вышесказанное, стоит отметить, что современный Судан находится в состоянии острого социально-политического кризиса, вызванного необходимостью выбора новой модели развития, которая бы учитывала все сложнейшие реалии нынешней суданской ситуации. Строить суданское государство как раньше, на принципах тотальной исламизации и арабизации, уже невозможно (дарфурский конфликт тому наглядное доказательство), а ничего другого суданское руководство предложить не может, так как опирается на исламистов и традиционалистов (суфийские ордена «Аль-Ансар», «Аль-Хатмийя» и связанные с ними партии — Юнионистско-демократическая партия и «Аль-Умма»).

Пока же мы можем лишь в самых общих чертах обрисовать возможные, на наш взгляд, варианты развития Республики Судан в пределах 7—10 лет, начав с самого оптимистичного и закончив самым пессимистическим.

Вариант № 1. Хартум успешно к 2011 г. завершает процесс отделения и признания независимости Южного Судана. У обоих государств не остается серьезных претензий друг к другу (то есть к этому времени успешно решена проблема нефтеносной провинции Абьей, где сосредоточены значительные разведанные запасы углеводородного сырья), что позволяет им установить добрососедские отношения.

Также миром завершается многолетний конфликт в Дарфуре, где основой компромисса становится обязательство центральных властей создать нормальную социально-экономическую инфраструктуру региона, учитывающую всю специфику Западного Судана. Успехи с претворением в жизнь ВМС и мирное разрешение дарфурского конфликта позволяют суданским властям добиться реструктуризации своего внешнего долга.

В это время начинается постепенный подъем мировой экономики, цены на энергоносители выходят на стабильно высокий уровень, что, в свою очередь, позволяет Судану завершить «аграрную революцию», начатую в 2008 г. Это станет возможным в силу того, что основной поток вырученных от продажи нефти средств пойдет в сельское хозяйство, где можно будет на выгодных условиях трудоустроить демобилизованных военнослужащих и участников дарфурских вооруженных формирований. Судан становится крупнейшим агроэкспортером на африканском континенте и государством, где успешно реализуется модель управляемой демократии, основанная на компромиссе между военными, традиционалистами и исламистами.

Вариант № 2. Хартуму к 2018 г. удастся решить только южносуданский вопрос. Конфликт в Дарфуре продолжается, одно поколение повстанческих лидеров сменяется другим, миротворцы АС/ООН с трудом контролируют лагерь беженцев, на остальной части территории царит полная анархия. Экономические выгоды от «мирного развода» с Югом полностью нивелируются ростом государственных расходов на национальную безопасность.

Несмотря на принимаемые властями меры, растет число терактов на объектах нефтяного сектора Судана, что снижает в глазах зарубежных партнеров ценность страны как стратегического союзника на международном рынке энергоносителей. Теракты совершаются как дарфурскими боевиками, так и жителями других районов страны, где из-за провала «аграрной революции» резко ухудшилась социально-экономическая и, как, вследствие, политическая ситуация.

Набирают силу радикальные исламисты, обвиняющие власти страны в неспособности выправить ситуацию. Власти на это отвечает жесткими репрессиями, что в итоге приводит к очередному государственному перевороту, устроенному армейской верхушкой, стремящейся не допустить к власти радикальных исламистов.

Основные страны — кредиторы Судана соглашаются на реструктуризацию значительной части его внешних долгов в целях поддержки военного режима в его борьбе с радикальным исламизмом. На эти же цели и уходят все заработанные на нефти деньги. Страна балансирует на грани полной дестабилизации, власть Хартума за пределами суданской столицы становится чисто номинальной и сводится к политике сделок с региональными элитами.

Вариант № 3. По целому ряду причин (в основном из-за неурегулированного спора по провинции Абьей) руководство Судана полностью проваливает процесс мирного отделения Юга. Между Югом и Севером происходит относительно скоротечный (несколько месяцев), но очень ожесточенный вооруженный конфликт в форме битвы за Абьей.

В итоге войска северян занимают нефтеносные районы провинции, но из-за непрекращающихся диверсий со стороны южносуданских военных Хартум не может приступить к полноценной эксплуатации нефтяных месторождений. Своих средств у него на это нет, а зарубежные инвесторы не рискуют вкладывать деньги в этот проблемный регион, тем более что в условиях постепенного выхода мировой экономики из депрессии им предоставляются на выбор куда более безопасные и прибыльные объекты вложения инвестиций.

Во время войны с Севером за Абьей южане оказывают массированную поддержку дарфурским повстанцам. Градус вооруженного противостояния в Дарфуре поднимается до максимального предела. Смешанная операция Африканского союза/Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД) сворачивается из-за огромных потерь в рядах миротворцев и недостаточности ее финансирования в годы мировой экономической депрессии.

Волна суданских беженцев захлестывает сопредельные территории и страны (в первую очередь, Египет и Хартум). Происходит полная «сомализация» Чада.

В суданской столице и ее пригородах вследствие постоянных стычек сил безопасности с бежавшими из Дарфура боевиками различных партий и движений, которые были разгромлены их более сильными конкурентами, вводится осадное положение.

Экономика Судана находится в состоянии коллапса: все средства (в основном нефтедоллары) уходят на оборону предприятий нефтяного комплекса, трубопроводов и обеспечение безопасности в Хартуме, а также на закупку продовольствия, так как международные гуманитарные организации уже не в состоянии эффективно помогать суданцам, а проект «аграрной революции» не был реализован из-за нехватки средств.

Однако из-за растущей нестабильности в стране доходы от продажи нефти резко сокращаются, их уже не хватает на выполнение перечисленных выше задач, поэтому Судан как целостное государственное образование прекращает свое существование. Различные радикальные движения и, в первую очередь, исламисты пытаются восстановить единство страны под своими лозунгами и идеями. Но это лишь ведет к эскалации насилия и способствует наступлению полной гуманитарной катастрофы.

Однако, еще раз повторяем, не один из этих сценариев не является предопределенным, и у Судана еще есть возможность решить, по какому пути ему развиваться. Правда, выбирать надо как можно быстрее, иначе страна рискует уподобиться кораблю без парусов и руля, оказавшемуся в бурном потоке событий. Шансов, что этот поток вынесет к счастливому берегу, ничтожно мало, поэтому Хартуму (да и Джубе) предстоит не только окончательно определиться со стратегией своего будущего развития, но начать активно реализовывать ее в самое ближайшее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Жиль Кепель*. Джихад: экспансия и закат исламизма. Научно-издательский центр «Ладомир». — М., 2004; *Millard Burr J., Collins R.O.* Revolutionary Sudan: Hasan al-Turabi and Islamist State. 1989—2000. Social, economic and political studies of the Middle East and Asia. Volume 90. Brill, Leiden, Boston. 2003; *Ланда П.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. Институт Ближнего Востока. — М., 2005; *Фахрутдинова Н.З.* Исламский фактор в общественно-политической жизни Судана. Институт Африки РАН. — М., 2004; *Поляков К.И.* Исламский фундаментализм в Судане. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. — М., 2000; *Поляков К.И.* История Судана XX век. — М., 2005; *Серёгичев С.Ю.* Судан: исламо-традиционализм и армия. Институт Ближнего Востока. — М., 2006.
- (2) По другим данным, Судан получил федеративное устройство в 1992 г. (См.: Country Presentation / 3rd UN Conference on the Least Development Countries. — Brussels, 14—20 May 2001. — Geneva: UN, 2001. Sudan).
- (3) Agency France Presse. 23.04.2005.
- (4) The Draft Constitutional Text. Khartoum. 2005. — Р. 3. Данный проект суданской конституции был утвержден без изменений, став основным законом для Судана на время переходного периода (2005—2011 гг.).
- (5) За весь пятидесятилетний период независимого развития в Судане действовало четыре конституции, не считая нынешней (временная 1955 г., постоянная 1973 г., временная 1985 г., постоянная 1998 г.).

- (6) The Draft Constitutional Text. — P. 3—4.
- (7) Ibid. — P. 4.
- (8) Ibid. — P. 10.
- (9) Ibid. — P. 24.
- (10) Ibid. — P. 25.
- (11) Ibid. — P. 30, 44—45.
- (12) Ibid. — P. 3, 16.
- (13) Ряд зарубежных специалистов оценивают только запасы нефти в 12,5 млрд бар. (см.: *The Political Economy of Oil Discovery and Mining in the Sudan: Constraints and Prospects on Development*. — Bellville, 2005. — P. 8).
- (14) История Судана в новое и новейшее время. — М., 1992. — С. 187.
- (15) Associated Press. 08.08.2005; Agency France Presse. 22.08.2005.
- (16) Agency France Presse. 25.08.2005.
- (17) Agency France Presse. 08.08.2005.
- (18) The Monitor. 10.09.2005.
- (19) Более подробно о предыстории этого конфликта см.: Е.А. Кудров. Ситуация вокруг кризиса в Дарфуре // *Востоковедный сборник*. Выпуск восьмой. Институт Ближнего Востока. — М., 2007. — С. 5—18; *Серёгичев С.Ю.* Дарфур: причины и пути развития конфликта // *Ближний Восток и современность*. Институт Ближнего Востока. — М., 2005. — Вып. 27. — С. 196—213.
- (20) Seven myths hindering peace in Darfur // *The European-Sudanese Public Affairs Council*. Khartoum. — 2004. — P. 1.
- (21) Провинция Дарфур (Судан): Слишком много людей убивают без причины // *Международная Амнистия*. 2004. — Нью-Йорк. — С. 1.
- (22) «Джанджауид» в приблизительном переводе с арабского — «вооруженные духи — всадники».
- (23) Darfur Peace Agreement. — P. 9—11, 14, 16—19, 29.
- (24) Ibid. — P. 31.
- (25) Ylonen, Aleks, Greivances and the Roots of Insurgencies: Southern Sudan and Darfur // *Peace, Conflict and Development: An Interdisciplinary Journal*. — Vol. 7. — July 2005. Взято с сайта: <http://www.peacestudiesjournal.org.uk>. P. 129.
- (26) Agency France Press. 16.12.2003.
- (27) S/RES/1706 (2006): <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1706.htm>
- (28) S/RES/1769 (2007): <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2007/res1769.htm>
- (29) S/2008/659 (Доклад генерального секретаря ООН от 17 октября 2008 г.) <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/553/97/PDF/N0855397.pdf?OpenElement>
- (30) Там же.
- (31) Подробнее см.: SITUATION IN DARFUR, THE SUDAN // Public Redacted Version of the Prosecutor's Application under Article 58 <http://www.icc-cpi.int/library/cases/ICC-02-05-157-AnxA-ENG.pdf>
- (32) Op.cit. — P. 20—23.
- (33) Op.cit. — P. 70—77.
- (34) Op.cit. — P. 78.
- (35) The Road Map for Return of IDPs and Implementation of Abyei Protocol. <http://www.unmis.org/common/documents/cpa-monitor/Annexes/Annex%2023%20-%20Abyei%20Roadmap%20Agreement.pdf> P. 4.
- (36) Op.cit. — P. 3.
- (37) Sudan Tribune. 10.06.2008.
- (38) Данные взяты с сайта Всемирного банка: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/AFRICAEXT/SUDANEXTN/0,menuPK:375432~pagePK:141132~piPK:141107~theSitePK:375422,00.html>

- (39) Там же.
(40) Sudan Tribune. 02.12.2008.
(41) Sudan Tribune. 05.10.2008.
(42) Данные взяты с сайта Всемирного банка: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/AFRICAEXT/SUDANEXTN>

**ISLAMISM, MILITARY JUNTA
OR REGULATED DEMOCRACY?
(concerning the question of political development
options in Sudan in the medium term)**

S.Y. Seregichev

Department of World History
Institute for History and Archives
Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq., 6, GSP-3, Moscow, Russia, 125993

The conclusion of the 2005 Comprehensive Peace Agreement which ended years of armed confrontation between the South and the North opened new perspectives for Sudanese political progress, but at the same time set a daunting challenge in the choice of future development. This article is devoted to analyzing the political and socio-economic tendencies in Sudan in 2005—2008, on the basis of which the author makes an attempt to outline a rough estimate of the development of Sudan in the medium term.

Key words: Comprehensive Peace Agreement, Sudan, the Years of Armed Confrontation between the South and the North, the development of Sudan in the Medium term, the choice.